

**Нина Власкина, Денис Ермолин, Александр Новик,
Светлана Рыжакова, Ирина Седакова**

Утопии, реальность и культурное наследие в этнографии XXI в.

В обзоре освещается основная проблематика XII Конгресса Международного общества этнологов и фольклористов (Société Internationale d'Ethnologie et de Folklore, далее SIEF), прошедшего 21–25 июня в Загребе (Хорватия) под общим названием «Утопии, реальность и культурное наследие: этнография XXI века». Одно из самых представительных гуманитарных научных событий, собирающих фольклористов, религиоведов, этнологов, антропологов, социологов, лингвистов и др., конгресс SIEF всегда демонстрирует современные актуальные темы и разработки, определяет направление будущих исследований и ставит перед учеными новые проблемы. 17 тематических блоков программы охватили практически все аспекты научного анализа, методических подходов и современных технических средств для сбора и обработки данных. Кроме обсуждения классических для этнологии и фольклористики традиционных тем (пища, ритуал, народная религиозность), а также тем, ставших особенно востребованными в последнее время (идентичность, миграции), были предложены новые подходы к изучению телесности, политических, гражданских и филантропических действий.

Ключевые слова: этнография, фольклор, утопия, реальность, городская антропология, перформанс, народный костюм, идентичность, меньшинства, гендер, границы, миграции.

Нина Алексеевна Власкина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН,
Ростов-на-Дону
nvlaskina@gmail.com

Денис Сергеевич Ермолин

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
denis.ermolin@gmail.com

Александр Александрович Новик

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН / Санкт-Петербургский государственный университет
njual@mail.ru

Светлана Игоревна Рыжакова

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва
lana@mega.ru

Ирина Александровна Седакова

Институт славяноведения РАН,
Москва
irina.a.sedakova@gmail.com

XII Конгресс Международного общества этнологов и фольклористов (Société Internationale d'Ethnologie et de Folklore, далее SIEF¹) на тему «Утопии, реальность и культурное наследие: этнография XXI века» проходил в Загребе 21–25 июня 2015 г. и, с одной стороны, продолжил традиции предыдущих научных собраний, а с другой — внес много нового. Дисциплины этнология и фольклористика понимаются исключительно широко, поэтому можно сказать, что это крупнейшее событие в научной жизни гуманитариев.

В этот раз количество участников побило все прежние «рекорды» — на Конгрессе собрались 900 ученых из 58 стран. Программа заседаний строилась по такому же принципу, как и на предыдущих конгрессах: четыре ключевые пленарные лекции, затем множество параллельных секций и мастер-классов, демонстрация фильмов, презентации новых книг и журналов, стендовые доклады, постеры — и все это одновременно.

¹ Информация об обществе SIEF и подробная программа Конгресса с краткими тезисами опубликованы на сайте: <www.siefhome.org>.

Безусловно, послушать больше 30–35 выступлений за три с половиной дня конгресса невозможно, поэтому авторы обзора охарактеризовали те секции, на которых выступали сами (в качестве организаторов, докладчиков, дискуссионщиков), и частично те, которые их особенно заинтересовали.

Новшеством организации этого форума стало группирование секций в тематические блоки. Их оказалось 17: «Общие вопросы», «Архивы», «Тело / Воплощение», «Цифровое / Виртуальное», «Обсуждение дисциплин», «Пища», «Гендер и сексуальность», «Наследие», «Дом», «Миграции / Границы», «Музеи», «Нарративы», «Политика и социальные движения», «Религия», «Село», «Исследование социализма и постсоциализма», «Город». Значительный отход от классических форм дисциплин, обращение к новым объектам изучения, прочтение традиционных особенностей дисциплин фольклористики и этнологии преимущественно прагматически и в качестве ресурса для прикладных исследований, активное участие молодежи — вот, пожалуй, самая краткая характеристика специфики конгресса в Загребе.

Рабочий день начинался с пленарной лекции¹. Выбор тем и спикеров позволил участникам форума сформировать мнение о том, какие вопросы, по мнению организаторов, сейчас наиболее актуальны. Это прежде всего миграции, столкновение культур и способы его осмысления, реакция культурной антропологии как дисциплины на динамические процессы в мировом сообществе.

Работу конгресса открыло выступление шведского исследователя **Орвара Лёфгрена** (Лундский университет), который использовал образ чемодана как метафоры связи между прошлым, настоящим и будущим («Жизнь в прошлом, настоящем и будущем: синхронизируя повседневность»). Сама идея использовать чемодан для визуализации культурных смыслов давно является востребованной, в особенности музеологами [Мой самый важный чемодан; A Latvian's Suitcase; Memories in My Luggage]. Докладчик же связал образ чемодана и его содержимого с расставаниями и готовностью / неготовностью к новым отношениям, с миграциями и мобильностью; депортациями и этническими чистками. О. Лёфгрен также кратко остановился на том, как меняется тип хранения информации с наступлением цифровой эпохи.

Пленарную лекцию в первый полноценный день работы конгресса прочитала **Ясна Чапо** (Институт этнологии и фольклора,

---

¹ Видеозапись пленарных лекций будет опубликована на сайте SIEF.

Загреб) — специалист в области антропологии миграций, главный организатор конгресса 2015 г. Ее выступление «Круги “возвращенцев” и “репатриантов”: альтернативные методы поисков общины?» открыло важную тему, которая на конгрессе объединила работу исследователей в рамках восьми секций блока «Миграции / Границы». Исследовательница провела исчерпывающее сравнение образов и стратегий двух поколений хорватских реэмигрантов: «возвращающихся мигрантов», родившихся в Хорватии, и «транснационалистов, меняющих место жительства», родившихся уже в Австралии. Я. Чапо показала, что мотивы возвращения на родину первых связаны с патриотизмом и ориентацией на ценности родины, воплощение мечты, а вторых — с поиском приключений, жизненной самореализацией или с бизнесом; первые по прибытии селятся в тех местах, где родились, вторые — там, где больше возможностей для карьерного роста и профессионального продвижения. Профессор Чапо вышла на одну из центральных тем конгресса — утопии, которую представляет идеализированная родина, и реальности, с которой сталкиваются «возвращенцы».

Третья пленарная лекция «Медленная этнография, медленный активизм: слушание, свидетельство и *long durée*» была прочитана специалистом в области *performance studies* **Деборой Капчан** (Университет Нью-Йорка). Автор отчасти основывался на модном ныне тренде противопоставления «быстроты» глобальной технологизации всех сторон жизни и медленного «вслушивания», продолжительного контакта с объектом исследования (ср. популярную оппозицию *fast food — slow food*). Кратко представив феномен суфийских интровертных обрядов, Д. Капчан обратилась к парижским событиям — атаке мусульманских террористов на редакцию журнала “Charlie Hebdo” и активизации общественной дискуссии о взаимоотношении религии и государства, исламе в его разных проявлениях, возможности существования свободы слова в современном глобальном мире. Правда, конкретной методологии и особенностей «медленной этнографии» Д. Капчан не раскрыла; не исключено, что используемые яркие, образные словосочетания пока находятся на уровне метафор и за ними не стоит отработанной исследовательской программы. Рядоположение суфизма с исламским терроризмом вообще не казалось логичным и продуктивным, т.к. речь шла только об общих местах («исламская угроза» и реакция на трагические, политически актуальные недавние события).

Наконец, последнюю пленарную лекцию «Знание о культуре: комплексные подходы к вопросам неотложной этнологии» читал швейцарский исследователь **Бернхард Тшофен** (Университет Цюриха). Его выступление носило обзорный характер

и имело целью показать изменения в интерпретации понятия *культура* за последние десятилетия, чтобы обозначить трансформации в направлениях антропологических исследований. Докладчик обратил внимание на расширение масштабов анализа практик повседневности, способов изучения и использования пространства (*spaceloge*), на изучение культуры потребления. Он остановился на изменении способов передачи и создания знания, актуализации дискуссий вокруг аутентичности, повороте к эмоциональному измерению культуры, взаимодействию тела и окружения. Профессор Тшофен постарался концептуализировать многообразие тем, освещенных в рамках конгресса, сконцентрировав их вокруг различного понимания термина *культура*.

Здесь же упомянем публичную лекцию **Чарны Бркович** (Черногория) при получении ею награды SIEF «Молодому ученому» за статью «Масштаб филантропии. Гуманитарные акции в боснийском городе» [Brković 2014]. Безусловно, тема ее исследования является более чем актуальной и практически не разработанной в области современной антропологии. Изучение «гуманитарных акций» (сбора средств на лечение тяжело больных людей) на территории послевоенной Боснии основано на сочетании исторического, социально-политического и других подходов к проблеме, с особым вниманием к нарративам. Детальный анализ современной благотворительности проводится на основе сравнения социальной помощи в годы существования СФРЮ, иностранных гуманитарных акций в годы войны и послевоенного кризиса. Автор приходит к выводу, что в нынешнем боснийском обществе важную роль для продвижения кампании по сбору денег играет наличие полезных «связей» и знакомых в госучреждениях, а также среди популярных блогеров. Кроме того, из комментариев тех, кто жертвует деньги и кому они адресованы, становится очевидным недовольство местного населения системой социального распределения средств.

Переходя к секционному заседанию, начнем с организованной российскими учеными Ниной Власкиной и Ириной Седаковой секции «Народный костюм в ритуальном годе и вне его: наследие, маркер идентичности и символический объект», на которой прозвучало 13 докладов, прочитанных учеными пре-имущественно из балканских и славянских стран, а также из Австрии, Мексики и Швеции. Исследователи проанализировали одежду и костюм как «паспорт» человека (известные концепции Н.И. Гаген-Торн и П.Г. Богатырева), показывающий его возраст, статус, пол, этническую и конфессиональную принадлежность, локальную «прописку» и пр. Эти символические функции костюма акцентиру-

ются и используются в магических ритуалах начиная с младенчества, о чем говорила **Ирина Седакова** (Институт славяноведения РАН, Москва), открывая секцию докладом «Одежда как символический объект в ритуальном времени славянской родильной обрядности».

Проблемы народного костюма как важной части материального наследия (наряду с домом, ремеслами и др.), формирования «комплекта» традиционной одежды и его терминологии в результате сложных этноконфессиональных контактов на Балканах, сохранность и инновации в деталях одежды и ее цвете обсуждали **Андрей Соболев** (Санкт-Петербургский государственный университет) и **Александр Новик** (Музей антропологии и этнографии РАН / Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Традиционный свадебный костюм мрквичей в Черногории: между истинным наследием и народным конструированием (по материалам российских экспедиций 2012–2014 гг.)». Это выступление поставило вопрос о том, какой традиционный костюм — мужской или женский — лучше сохраняется и почему; ответы на этот вопрос показали значительное разнообразие в разных регионах и в разных контекстах.

Исключительную ценность традиционного костюма как маркера идентичности, как памяти и наследия показали **Михаела Гежин** (Институт этнологии, Загреб) и **Мартина Мишетич** (Муниципальный музей Вуковара) в докладе «Влияние гражданской войны на традиционный костюм в области Вуковара на примере деревни Богдановцы». Восстановление, собирание и тщательное хранение предметов одежды в музее стало важной частью деятельности сельского населения после трагических событий в Югославии 1990-х гг. Отметим, что коллекции Этнографического музея в Загребе демонстрируют внимательное отношение к народному костюму, который сохранился до наших дней в локальных вариантах; элементы региональных предметов одежды и головных уборов продаются на «блошином» воскресном рынке в Загребе, а ювелирные дополнения (пряжки и украшения) воссоздаются по старинным образцам и доступны для приобретения.

Доклад «Ритуальная традиционная одежда у хорватов-буневцев в Сербии», представленный **Миланой Чернелич** (Загребский университет), очертил календарный круг этой субгруппы с интересным акцентом на практичности народной одежды и головных уборов, которые подвергаются изменениям иногда именно в силу неудобства (так произошло с некоторой модификацией головных уборов, слишком тяжелых для девочек — исполнительниц обходных обрядов).

Интерес к народному костюму, его изготовлению и «собирацию» обсуждался в докладе **Марии Гачич** (Центр сохранения, реконструкции и выдачи напрокат традиционных костюмов, Загреб) «О народных костюмах, регламентациях, правильном и неправильном», в частности на материале конкурса на лучший народный костюм, который проводится в Славонии с 1936 г. Искусность мастерицы или аутентичность костюма важнее для членов жюри — профессиональных этнографов? Почему женские костюмы преобладают на таких конкурсах? Эти вопросы связывались в дискуссии с наследием как важной ценностью и с развитием шоу-индустрии, которая внесла в конкурс развлекательные и красочные элементы.

Подобная проблематика была затронута и в докладе о мексиканских традициях. Трансляция народной культуры и наследия, изобретение женского костюма на базе традиционного стали темой доклада **Розы Изелы Агилар Монтес де Ока** (Мюнхенский университет) «День мертвых: один ритуал, новые народные костюмы, старая идентичность». Девушки, участвующие в календарном празднике поминовения, в который внесены компоненты конкурсов красоты, постепенно, благодаря костюму и нововведениям, становятся хранительницами старинных обрядов.

Престижность народного костюма сохраняется в области Марамурес (Румыния), которая известна как анклав архаичной традиционной культуры. Об этом рассказала **Анамария Юга** (Музей румынского крестьянства, Бухарест), показав две разновидности одежды — сугубо ритуальную, для исполнения обрядов, и праздничную, с элементами традиционности.

Кристина Клопот (Университет Хериота-Уотта, Эдинбург) в докладе «Вплетая прошлое в ткань: традиционный костюм староверов») и **Нина Власкина** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону) в докладе «Праздничная одежда казаков-некрасовцев: презентация идентичности и объекты наследия» остановились на характеристике одежды старообрядцев, проживающих в Румынии и на юге России. Она служит ярким и постоянным маркером принадлежности к этноконфессиональной подгруппе.

Катарина Эк-Нильсон и **Бритт Элкунд** (Институт языка и фольклора, Уппсала) показали сезонные и социальные различия в деталях одежды одной шведской деревни, в которой традиции оказались законсервированными.

Как сообщила **Урсула Вилк** (Варшавский университет, испанское и испано-американское отделение) в докладе «Костюм

файеро: носитель традиции?», валенсийский костюм для участников праздничного шествия *лас файас* в День св. Иосифа (16 марта) считается традиционным, хотя он приобрел завершенный вид в XX в. Изготовление наряда воспринимается как ритуал со своей символикой, строгими запретами и регламентацией того, из чего должен состоять костюм.

Создание и конструирование народного костюма в Тироле в XX в. рассмотрел в социально-политическом, историческом и патриотическом плане **Рейнхард Боднер** (Университет Инсбрука), который выступил с докладом «Отброшенное наследие? “Обновление костюма” до, во время и после национал-социалистической эры и современное состояние народных костюмов в Тироле». К проблемам изобретения костюма и появлению вариантов литовского народного костюма в разные хронологические периоды обратился **Арунас Вайсекаускас** (Университет Витовта Великого, Каунас) в докладе «Народный костюм в контексте изобретения ритуала».

При невероятном разнообразии костюмов и разной степени их сохранности в странах и отдельных регионах удалось выявить общие закономерности. Все докладчики отмечали возросший интерес к народному костюму, который используется на фольклорных праздниках и фестивалях, создается и изобретается, проявляет себя в модных тенденциях. Престижность народного костюма во многих странах велика, традиционную одежду (или ее детали) берут с собой в эмиграцию, подобно тому, как старообрядцы, перебираясь на новые территории, обязательно увозили с собой ритуальную одежду.

Секция по народному костюму входила в блок «Наследие», что было одной из магистральных тем на конгрессе (всего 14 секций). На секции «Наследие как европейский продукт» было представлено десять докладов. Большинство из них выглядели как части единого проекта, в связи с чем стоит отметить работу руководителя секции, нидерландской исследовательницы Класке Вос. В последние десятилетия серьезно обсуждается влияние законодательства о наследии на жизнь местных сообществ и политика, с ним связанная (см., например: [Smith 2006; Kuutma 2009; Vendix et al. 2012]). Это направление исследований разрабатывалось и в докладах секции. Главный вопрос, на который искали ответ почти все докладчики, можно сформулировать так: как понимание наследия, транслируемое Европейским союзом, и европейские ценности воплощаются в деятельности различных учреждений, занимающихся сохранением, продвижением и созданием объектов наследия в разных странах.

Работу секции открывала **Класке Вос** (Университет Амстердама), посвятившая свое выступление вкладу культурной поли-

тики стран Юго-Восточной Европы в процессы интеграции Европейского союза («Уравновешивание культуры: вклад культурной политики в расширение ЕС»). Системно подходу к освещению деятельности Европейского союза по управлению культурной политикой стран-участников, докладчица говорила о риске «утрат при переводе», возникающем из-за нового межправительственного подхода ЕС, при котором культурная политика оставлена на откуп самим странам. Автор показала, что понимание идеи наследия разнится на локальном, национальном, промежуточном и общеевропейском уровнях. Определенные проблемы рождает распределение культурных инициатив по нескольким программам наследия, которые в ЕС подотчетны разным ведомствам. В результате растет бюрократизация, возникают сложности, связанные с умножением правил и предписаний.

Обсуждение принятия конвенции Фару в Финляндии стало предметом рассмотрения в докладе **Паулины Латвала** (Университет Хельсинки) «Конвенция Фару о ценности культурного наследия для сообщества (2005): случай Финляндии». Главными идеями документа являются восприятие наследия как ресурса для устойчивого развития и повышения качества жизни; утверждение особой роли сообществ, обладающих правами и обязанностями, связанными с наследием; разработка понятия общего наследия Европы. Исследовательница рассказала о деятельности участников проекта по популяризации этой конвенции в финском сообществе [Council of Europe] и обозначила проблемные вопросы. Кто выигрывает от утверждения документа в Финляндии — органы администрации или конкретные люди? Как избежать избирательности в поддержке проектов, возникающей из-за того, что в процессе ратификации документа в разных странах участвует один и тот же коллектив специалистов? Что считать сообществом, связанным с наследием (heritage community)?

Аня Фрюх (Университет Фрибура) рассматривала проблемы европеизации на материале деятельности двух крупных музеев: французского Музея цивилизаций Европы и Средиземноморья и немецкого Музея европейских культур («Европейская политика в культурном наследии. Французские и немецкие государственные музеи после расширения ЕС 2004 года»). Последствиями европеизации для этнографических музеев стали реорганизация музейного пространства, переименование музеев, пересмотр музейных стратегий, акцентирование межгосударственных связей при формировании выставочных концепций, расширение коллекций за счет их пополнения материалами из других стран. Автор подытожила свое выступление

суждением о том, что музеи не только сохраняют наследие, но и производят его.

Необычный пример для демонстрации механизма продвижения европейских ценностей через идею наследия избрал белградский исследователь **Милан Попадич** (Университет Белграда) в докладе «От традиции к транзиту: наследие как символ европейских ценностей». Предметом для анализа и поводом для рассуждений о наследии стала сербская реклама чипсов [Chipsy Domaćinski]. Автор выстраивает схему, в которой *ребенок — картофель — чипсы* соотносятся так же, как *носитель культуры — наследие — продукт*, и ставит вопрос о способах передачи знания в условиях полноценного функционирования народной культуры и перехода от традиции к наследию. М. Попадич также коснулся вопроса о соотношении понятий традиций и современности, их относительности (так, в рекламе картофель, поздно появившийся в Сербии, — это традиция, а чипсы — современность), а также о влиянии политики Европейского союза на музеи, предписывающей им быть «законодателями» в области наследия.

На секции прозвучали доклады о том, как концепция наследия реализуется в текстах, генерируемых в процессе отбора культурных столиц Европы (**Линде Эгбертс**); о соотношении понятий *наследие* и *мультикультурализм* (**Стефан Грот**); об элементах хорватского культурного наследия, которые туристические агентства отбирают для включения в свои программы (**Йосип Лах**); о трансформации музейных практик — переключении с объекта на жизнь сообщества, с прошлого на настоящее (**Никола Крстович**); о развитии концепции наследия в Японии (**Ядран Кале**), а также о разнице в восприятии и репрезентации еврейского наследия в Турции и Португалии (**Антонио Медейрос**).

Работа секции в целом показала системность влияния политики по европеизации на различные формы деятельности, связанные с наследием. Эта политика нередко приводит к возникновению противоречий между культурным разнообразием и унифицированным подходом на административном уровне, национальными ценностями и интересами и навязываемыми общеевропейскими культурными доминантами, жизнью традиционных сообществ и выставляемыми напоказ отдельными элементами наследия.

«Дисциплинарные» дискуссии были неотъемлемой частью секционных заседаний конгресса, преимущественно концентрируясь в пределах соответствующего тематического блока. Одной из секций, посвященных современному состоянию этнологических, фольклористических и смежных исследований, их взаимосвязям, было заседание, инициированное группой

молодых исследователей, работающих над блогом «Трансформации» [Transformations]. Цель этого проекта — вовлечение антропологов в специальные дискуссии, актуальные для широкой общественности, с использованием спектра цифровых возможностей, включая текст, изображение, аудио и видео. Организованная этой группой секция «“Вовлеченная антропология”: Реальность? Необходимость? Утопия?» была посвящена обсуждению самого понятия *engaged anthropology*, популярного в различных научных коллективах в последние десятилетия [Basch et al. 1999; Sanford, Asale 2006]¹.

В большинстве докладов рассматривались ситуации, когда антрополог принимает активное участие в жизни изучаемого сообщества и каким-либо образом влияет на события (**Бегония Энkvикс, Хелена Тужинска**), обозначались дилеммы, этические (**Марко Писев, Милош Миленкович**) и методологические (**Дэниэл Кунцельманн** и коллеги) вопросы.

В докладе немецкой исследовательницы **Юлии Тиманн** (Институт демократических исследований Геттингена) «Пользователи, программисты, политики. Этнография как посредник в проектах электронного участия?» была представлена работа антрополога в рамках исландского и немецкого проектов и охарактеризована механика взаимодействия участников процесса. Акцентировались дискуссионные моменты: так, было выявлено противоречие между тем, что хочет обсуждать с гражданами администрация города, и тем, какие вопросы горожане предъявляют администрации. Функция антрополога заключается в том, чтобы донести до каждой из сторон нужды другой. С точки зрения Ю. Тиманн, фундаментальной проблемой является то, что организаторами проекта не всегда осознается важность привлечения в работу исследователя-антрополога.

Взаимодействию государственных структур и антропологов в решении вопросов, связанных с депрессивными районами города / страны, был посвящен доклад **Павлы Бургос Тейровски** (Карловский университет, Прага) «Картографируя нужды и потенциал группы: вовлечение сообщества как метод коммуникации и популяризации результатов прикладных исследований». Она представила два проекта, один из которых проводился с привлечением 12 антропологов в 12 наиболее депрессивных районах Чехии, а другой был направлен на оптимизацию территории района Праги — Летны². Работа предполагала вы-

¹ Подробный обзор литературы по теме, не ограничивающийся последним временем, см.: [Low, Merry 2010].

² В России аналогичные проекты осуществляет Центр городской антропологии КБ «Стрелка». См., например: [Алексеевский 2015].

явление пространственного, ландшафтного потенциала территории путем экспертизы архитекторов, историков, социальных географов и геоботаников; определение человеческого потенциала посредством консультаций и обучения безработных; создание новых рабочих мест в регионе. Ключевой стратегией выступало общение с лидерами, наиболее активными членами сообществ. Тейровски подняла ряд важных вопросов. Должен ли этнограф быть включен в процесс изменений в сообществе или только фиксировать свои наблюдения? С кем ему следует делиться выводами? Можно ли использовать результаты, полученные этнографами, для принятия решений, манипулирования ситуацией и ее участниками?

Еще один вариант стратегии вовлечения этнолога в жизнь изучаемого сообщества прозвучал в докладе итальянского исследователя **Федерико де Муссо** «Вовлеченная визуальная антропология». Автор рассказывал о своем опыте создания фильма, посвященного деятельности группы итальянских активистов, которые борются за права местных сельхозпроизводителей и создают общественные формы хозяйств, а также формированию рынка, столь востребованного жителями региона. Перед исследователем встали вопросы о том, должен ли этнограф быть вовлечен в поиск успешных стратегий для продвижения идей изучаемой группы активистов; как и нужно ли вообще обеспечивать доступ к создаваемой видеопродукции для тех, кого снимал автор; как соблюсти баланс между толерантностью и жесткостью в изображении конфликта противоборствующих сторон.

Работа секции завершилась дискуссией, целью которой было обсуждение ключевых для данного направления антропологических исследований вопросов. В чем сходства и отличия между вовлеченной антропологией и прикладной антропологией? В какие процессы должен быть вовлечен антрополог, определяются ли они правящей силой или направлены на расширение прав людей? Как согласуется деятельность вовлеченного антрополога с нуждами общества? Какова позиция дисциплины в круге проблем «общество — сплоченность — совместное производство»?

Еще одной крупной секцией (в рамках блока «Село») на конгрессе была «Этнография сельского пространства: между утопией и неолиберализмом». Бурную дискуссию вызвал доклад исследовательницы из Университета Севильи **Марты Фаррэ** («Собиратели [collectors] воспоминаний: наследие и противостояние в новой реальности села»). Главная концепция автора заключается в том, что исследователи работают в поле с *collectors* — собирателями коллективной памяти, т.е.

с теми, кого мы по привычке часто называем «хорошими информантами». Оказываясь в исследовательском поле, мы разыскиваем тех, кто обладает авторитетом по части знания местных обычаев, сведений по истории региона и т.д. Однако насколько показательными и объективными являются полученные нами результаты? Практически повсеместно в Европе в последние десятилетия происходят процессы ревитализации многих явлений, установок, феноменов традиционной культуры, ушедших, казалось бы, безвозвратно на протяжении XX столетия. Огромную роль в этом играют collectors, которые часто выступают не только хранителями, но и создателями «традиции». Вокруг таких авторитетных людей сначала собираются самые близкие (из числа родственников, соседей и проч.), которые таким образом черпают знания о своем локальном, этническом, конфессиональном сообществе. Затем круг приобщенных расширяется по площади и численности. К collectors обращаются за советом, когда возникает необходимость сыграть свадьбу («как наши предки отмечали») или совершить обряд погребения согласно локальной традиции, устроить праздник или провести фестиваль. Collectors выступают «знающими» (или играющими роль «знающих») при реконструкции народного костюма, возведении дома в «традиционном» стиле, обустройстве быта и т.п. Исследователь, попадая во власть collectors, невольно (а чаще всего по доброй воле!) становится собирателем знаний не объективного, а субъективного характера — и в дальнейшем он и сам входит в круг collectors, пытающихся реконструировать прошлое через призму своих стереотипов и представлений.

Основная тема конгресса применительно к селу была рассмотрена в докладе исследовательницы **Робин Смит** (Оксфорд) «Маркетизация традиционных сельскохозяйственных продуктов в Истрии, хорватском секторе сельского бизнеса». На примере развитой в аграрном отношении Истрии автор попытался провести анализ развития сельских территорий в свете политики Европейского союза. С одной стороны, некогда процветавший регион стал одним из самых отсталых (люди потеряли или теряют работу, уезжают на заработки, молодежь не видит перспектив и т.д.). С другой стороны, здесь предпринимаются попытки возродить производство экологически чистых сельскохозяйственных продуктов («как было в старые времена»). Что выбирают люди, сельские жители, в качестве отправной точки для новых занятий — привычное виноделие или производство фермерских продуктов, рекомендуемых ЕС? Находит ли то и другое сбыт в стране, испытывающей экономические трудности? Чем являются попытки воссоздать прошлое, вдохнуть жизнь в забытое и канувшее в Лету — утопией или новой фазой

развития сельского пространства? Эти вопросы вызвали бурное обсуждение. К слову, секцию посещал и президент SIEF, нидерландец **Вальдимар Хафстин**, что свидетельствует о том, что вечная тема «сельской этнографии» отнюдь не потерялась в потоке революционных поисков современных антропологов.

Блок «Гендер и сексуальность» оказался одним из самых масштабных направлений работы конгресса (необходимо отметить, что на международных конгрессах гендерные секции привлекают больше всего участников)¹. В его рамках было шесть секций. На одной из них, «Патриархальность как наследие?», бурное обсуждение вызвал доклад **Зигфрида Грубера** и **Миколая Солтысека** «Индекс патриархальности: сравнительный анализ властных отношений в исторической Европе». Исследователи из Граца (Австрия) и Ростока (Германия) представили результат многолетних исследований архаики и патриархальности в Европе. Авторы работали по собственным опросникам, включавшим такие вопросы, как: «На кого записано имущество семьи, на мужа или жену?», «Как часто у вас заключаются браки, когда жена старше мужа?», «Как знакомятся будущие супруги?», «С кем живет молодая супружеская пара?» и др. По результатам исследования составлялись карты. Самым частотным владение имуществом женой отмечается в Норвегии (этот факт интерпретируется исследователями как наибольшая степень отхода от патриархального уклада жизни), а браки, в которых жена старше мужа на десять и более лет, чаще встречаются на севере Албании и в сельских местностях Румынии (это оценивается как маркер архаичных пережитков). В результате наложения всех полученных карт и простого суммирования данных получилось, что подлинным заповедником архаики в Европе следует считать Северную Албанию, а наиболее оторвавшимся от патриархальности регионом являются Британские острова. Выводы докладчиков вызвали дискуссию: их подсчеты не покрывали весь европейский регион, а также не учитывали качественные показатели собранных материалов (авторы сосредоточились на количественных результатах). Подобный подход, предполагающий картографирование явлений и реалий (разработанный нашими предшественниками в XIX в.), зачастую теряет смысл, если за ним не стоит задача анализа всего массива материалов.

Весьма любопытной была и секция «Этнография нетрадиционной сексуальной ориентации в XXI в.: наследие, реальность и перспективы». На ней был представлен доклад **Фадис Салеха**

¹ Здесь можно привести в качестве примера и состоявшийся 1–6 июля 2015 г. в Екатеринбурге XI Конгресс этнографов и антропологов России.

(Университет Гёттингена) «Нетрадиционная сексуальная ориентация и политика: Управление ООН по делам беженцев и обращение с беженцами-гомосексуалами из Сирии», исключительно актуальный ввиду событий в Сирии и ситуации вокруг Исламского государства Ирака и Леванта. Автор представил результаты своих исследований на территории Турции (главным образом в Стамбуле) среди выходцев из Сирии, пытающихся получить статус беженцев на основании декларируемой нетрадиционной сексуальной ориентации и вызванной ею угрозы жизни со стороны боевиков. Главная методика исследования — полевая работа среди беженцев, запись интервью и фиксация нарративов. Сделанный в совершенной артистической манере и на отличном английском языке, с хорошей теоретической базой и заявленными четкими задачами, доклад все же вызвал серьезную дискуссию и ряд возражений. Автор не смог ответить на простые вопросы присутствующих: каково соотношение людей, получивших статус беженца, и общего числа обратившихся в соответствующие органы; какой процент людей акцентируют внимание на своей гомосексуальности от общего числа бежавших от войны в Сирии. Дискуссия по докладу затронула и другие стороны научного исследования: может ли проводиться изучение в отрыве от «основного поля» (автору дважды отказали во въезде в Сирию, поэтому работа проводилась только на территории Турции) и насколько оправданы антропологические исследования без количественных показателей?

Значительное внимание на конгрессе было уделено антропологии города. Исследования, посвященные различным аспектам городской жизни, урбанистической среде и ее сообществам, плотно и, похоже, бесповоротно вошли в антропологию и фольклористику. На город в качестве «поля» в западной науке стали обращать внимание уже с 1960-х гг., что в конце концов привело к образованию отдельной дисциплины — *urban anthropology* (так, в 1972 г. в США появился специализированный журнал “Urban Anthropology”¹). В статье хорватского антрополога Ясны Чапо, посвященной истории этнологии / этнографии в странах Европы, даже обсуждается давняя идея о том, что между столичной социокультурной антропологией (в своей методологической основе опирающейся на британскую школу) и локальными национально-ориентированными этнографиями в странах Юго-Восточной и Восточной Европы до 1989 г. заметны существенные отличия. Во втором случае со стороны исследователей к «городским» темам не было никакого интереса — предпочтение отдавалось работе в сельской

---

¹ С 1987 г. по настоящее время журнал носит название “Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development”.

местности [Џаро 2014: 52–58]. Однако необходимо заметить, что до формирования специальной дисциплины, которую мы сейчас называем антропологией города, в различные периоды и в разных странах Юго-Восточной Европы были изданы фундаментальные работы по истории, антропогеографии и экономическому развитию городского пространства [Kreševljaković 1927; 1953; Урошевић 1931; 1935; 1951; Тодоров 1972; Shkodra 1973; и мн. др.].

Проблемное поле блока по городской антропологии (8 секций, свыше 70 докладов) включало следующие широкие темы (каждая тема определяла специфику конкретной панели): жизнь в малом городе, противоречия и трансформации в городской среде, этнография городского публичного пространства, историческое наследие и сохранение городских ландшафтов, ритмы повседневности и (дис)гармония в отношениях между различными сообществами, планирование городского пространства и фандрайзинг, публичное пространство как утопия, мемориализация и трансформация исторического наследия в городе. Даже простое перечисление этих тем демонстрирует, что исследовательские интересы в современной европейской антропологии города лежат далеко за пределами сугубо описательных и обобщающе-теоретических работ. Огромное внимание уделяется практическим аспектам: внедрению проектов рационального воздействия на городскую среду, привлечению внимания к проблемам городов и их жителей, стабилизации отношений между городскими сообществами. На основании прослушанных докладов можно сделать вывод, что акцент на практическую значимость исследований и проектов объясняется тем, что, с одной стороны, в поисках финансовой поддержки для проведения теоретических изысканий университеты сотрудничают с различными производящими компаниями, городскими муниципальными властями, некоммерческими организациями и городскими активистами, с другой же (и это обратная сторона медали) — все больше специалистов в области антропологии трудоустраивается в сфере бизнеса, производства и в некоммерческом секторе.

Выделим основные тенденции в развитии городской антропологии, которые можно проследить по тематике докладов конгресса.

Во-первых, большое количество сообщений посвящено изучению урбанизированных пространств и процессов гуманизации промышленных зон в малых и средних городах Южной и Восточной Европы. Экономический кризис и стагнация производства в ряде государств ЕС приводят к тому, что пространство заброшенных заводов и фабрик либо становится «зоной

риска» и «источником опасности» для горожан, либо трансформируется в площадки для манифестаций современных форм искусства. Нехватка зеленых зон в средних промышленных городах побуждает жителей к инициативе, в результате чего появляются новые парки, сады и даже огороды в пределах городского пространства (Болгария, Испания). Экологическая тематика была продолжена докладами, посвященными велосипедизации городов с неразвитой велосипедной инфраструктурой, а также изучению привычек вождения и попыток оптимизации использования автотранспорта (на примере Любляны).

Во-вторых, среди исследований, имеющих меньшую практическую направленность, выделяется блок, посвященный изучению публичного пространства. В поисках новых тем и исследовательской оптики антропологи концентрируются на трансформациях звукового (Белград) и одористического (города Сицилии) ландшафтов и влиянии этих процессов на социальный контекст.

В-третьих, поскольку одной из ключевых тем конгресса являлось изучение *наследия* (в самом широком смысле), городские исследования не обошли и эту проблематику: конструирование истории путем фальсификации исторических нарративов и установки новых памятников (Скопье); культурное наследие коммунизма в городах Восточной и Юго-Восточной Европы (города Польши и Болгарии) и попытка его переосмысления или реформатирования; джентрификация городских пространств, непосредственно примыкающих к историческому центру и фешенебельным кварталам (Стамбул, Иерусалим); проблемы физически (Сараево) и ментально (Приштина, Ягодина) разделенных городов.

Интересной темой конгресса стало обсуждение выразительных форм культуры, того, что в англоязычной литературе относится к ведомству «перформанса». Эта тема не была специально выделена, тем не менее она была растворена повсюду, а на ряде секций отразилась особенно ярко. Речь шла о музыке, танце, театре, религиозных обрядах, ритуале, демонстрациях и манифестациях, игре, флеш-мобах, выступлениях футбольных фанатов, уличных акциях, т.е. о действиях, где встречаются зрители, слушатели и актеры, исполнители, где вырисовываются роли, проигрываются сценарии воображаемых и реальных событий, оформляется жест, где культурные смыслы представляются на разных языках при активном телесном включении участников.

Примечательно, что многие докладчики, как оказалось, не только исследуют, но и практикуют разные формы танца, му-

зыки, театральной игры, преподают, участвуют в акциях и т.д. Так, **Матс Нильссон** (Университет Гетеборга), преподаватель и активист, в докладе «Танец: традиция и/или наследие?» привел несколько самых общих классификаций танца и сосредоточился на рассказе о популярных танцевальных площадках в Швеции, где особую роль играет полька, которую собираются включить в список нематериального наследия ЮНЕСКО (ИЧН).

Близко к performance studies изучение эмоциональных состояний, их передачи, моделирования, художественного, политического и повседневного проявления. **Керстин Пфейффер** (Университет Хериота-Уотта) обратилась к анализу современных постановок средневекового английского театра, к выявлению того, как осуществляется эмоциональный перевод на язык, понятный и доступный современному зрителю. **Ниина Хамалайнен** (Университет Хельсинки) в докладе «Чьи эмоции?» — к бытованию устной и записанной поэзии романтизма, а ее коллега по университету **Анна Райявуори** — к эмоциям в рамках социалистической агитации Финляндии начала XX в.

Перформанс в выступлениях понимался очень широко и нередко увязывался с основной темой конгресса. Докладчики говорили о реальных идеологиях, планировании, культурной политике, памяти о прошлом (как она конструируется, существует и преобразуется, как и в чем отражается), о деятельности ЮНЕСКО. Конкретное понимание «утопии» различалось, оно варьировало от философских моделей до государственных идеологий и даже до художественных фантазий. Так, в докладе **Леи Лоугторп** (Гарвардский университет) «Утопическое воображение: кудияттам и наследие в “Собственной стране Бога”» речь шла о санскритском храмовом театре Кералы (Южная Индия) — единственной традиции данного штата Индии, внесенной в ИЧН. Как «утопическое» здесь был представлен туристический облик штата, созданный в коммерческих целях и использующий некоторые яркие образы местных исполнительских традиций.

Иной, гендерный, облик утопии проявился в докладах **Руксандры Аны** (Варшавский университет) об идеальном облике «мужественности» в латиноамериканских бальных танцах и **Андреа Данкич** (Стокгольмский университет) о контекстуальной masculinности в шведском рэпе.

Доклад **Светланы Рыжаковой** (Институт этнологии и антропологии РАН) «“Музеи танца”: представление о “славном прошлом” в современном индийском исполнительском искусстве» был посвящен анализу идеализированной картины происхождения и эволюции индийского танца, выявлению того,

как индийский культурный национализм, возникший во второй половине XIX в. и укрепившийся к середине XX в., отразился в культурной политике и самом облике танцевальных стилей разных штатов Индии, получивших обозначение «классических».

Растущее разнообразие современных перформансов, отчасти усложнение, отчасти упрощение их облика, умножение интерпретаций, гибридизация разных форм ведут к необходимости выработки нового аналитического языка исследования. На пути к этому рождается немало новых понятий, призванных описать или прояснить ту или другую сторону исполнения или восприятия происходящего действия. Особенно продвинулась в этом направлении рабочая группа **Карло Куберы** (Таллинский университет), представившая звуковую программу «Утопические дистопии: дистопические утопии».

Ученые изучают процессы встречи автора и слушателя в современном звуковом пространстве, в том числе в самых экзотических и редких формах музыкального потребления. Они оперировали такими понятиями, как *дистопия*, *шизофоническая антропология*, *цифровая церковь*, обращались к влиянию профессиональных музыкальных композиций на широкую аудиторию. В нескольких выступлениях использовалось понятие *гиперэстетической утопии*, в том числе **Ивой Булич** (Университет Задара) в докладе о тибетских буддийских простираниях: автор предлагает рассматривать в рамках этого понятия объединение тибето-буддийского религиозного мировоззрения с телесными практиками.

Социальная значимость исполнительского искусства, присутствие в нем разных пластов реальности (экономического, политического, психологического), сопряжение разных планов актуальны для исследований всех видов перформанса. **Кристин Куутма** (Университет Тарту) и **Валдис Муктупавелс** (Латвийский университет) обратились к Праздникам песни и танца в Эстонии и Латвии соответственно, к их роли в культуре повседневности, межличностном общении, а также в рамках этнического национализма и современной государственной культурной политики. **Родриго Чокано** (Университет Индианы) в докладе «Этническая идентичность в музыкальных записях. Нематериальное наследие в музыкальных компиляциях латиноамериканцев африканского происхождения» обратил внимание на законы современного глобального рынка, где происходит столкновение национального и этнического, в случае этнокультур Латинской Америки одновременно разделенных и смешанных. Хорватско-кенийская исследовательница танца **Кахитхе Киру** (Университет Западный Париж —

Нантер-ля-Дефанс) в докладе «Исукути Западной Кении», посвященном одному типу коллективного африканского танца (изначально похоронного, а в настоящий момент включенного в список ЮНЕСКО), выявила процессы его политизации, видоизменения, заложения новых смыслов. **Ли Джи Пен** (Национальный университет Ирландии) говорила о сохраняемой традиции исполнения тибетского эпоса Гесар на фоне современной модернизации районов Кхам и Амдо в Тибете.

Конгресс SIEF стал площадкой для дискуссий о дальнейшем развитии дисциплин, новых и набирающих обороты темах антропологической науки. Так, усиленное внимание к политической антропологии в сочетании с фольклористикой наблюдалось в докладах **Ренаты Ямбрешич Кирин** (Институт этнологии и фольклора, Загреб) «Кто этот человек за женщиной-президентом за национальным флагом?» — о недавно избранном президенте Хорватии Колинде Грабар-Китарович; **Марии Левисив** (Мемориальный университет Ньюфаундленда) «Путин настоящий мужчина! Поверья и нарративы русской диаспоры о политике Путина по отношению к Украине»; во всех выступлениях на секции «Об этнографии “Железного занавеса”», организованной **Габором Барна** (Университет Сегеда) и Йиржи Войтчем (Чешская академия наук).

XIII Конгресс SIEF состоится в Геттингене (Германия) в 2017 г., и подготовка к нему уже началась: объявлен прием работ для участия в конкурсе молодых ученых.

Источники

- [Мой самый важный чемодан] Выставочный проект «Мой самый важный чемодан» // Сайт музейно-выставочного объединения «Манеж». 2013, 28 мая — 26 июня <<http://moscowmanege.ru/ru/chemodan-v-poslednij-put/>>.
- Chipsy Domaćinski — Dédina sorta ili Babino zlato [A Trailer on YouTube]. 2014, 19 Sep. <<http://www.youtube.com/watch?v=QmWl8AxmMa0>>.
- [Council of Europe] Finland Invites Citizens to Discuss the Value of Cultural Heritage for Society // Website “Council of Europe”. <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/identities/finland_en.asp>.
- [A Latvian’s Suitcase] The Exhibition “A Latvian’s Suitcase” // Website “Latvians Abroad — Museum and Research Centre”. <<http://kofaris.lapamuzejs.lv/parmums-e.html>>.
- [Memories in My Luggage] Website “Memories in My Luggage. German Migration to Australia. 1935–1956”. <<http://www.memoriesinmyluggage.com.au/>>.
- [Transformations] Website “Transformations: A New Voice in Culture, Politics and Change”. <<http://transformations-blog.com/about/the-idea/>>.

Библиография

- Алексеевский М.Д.* Прикладная городская антропология // Управление развитием территорий. 2015. № 1. С. 20–24.
- Тодоров Н.* Балканският град XV–XIX век: Социално-икономическо и демографско развитие. София: Наука и изкуство, 1972. 504 с.
- Урошевић А.* Гњилане // Гласник Географског друштва (Београд). 1931. Св. 17. С. 38–51.
- Урошевић А.* Јањево // Гласник Географског друштва (Београд). 1935. Књ. 14. С. 187–200.
- Урошевић А.* Приштина // Зборник радова Етнографског института САН (Београд). 1951. Књ. 2. С. 1–35.
- Basch L.G., Saunders L.W., Wojcicka Sharff J., Peacock J.* (eds.). *Transforming Academia: Challenges and Opportunities for an Engaged Anthropology.* Arlington, VA: American Anthropological Association, 1999. 307 p.
- Bendix R.F., Eggert A., Peselmann A.* *Heritage Regimes and the State.* Göttingen: Universität Göttingen, 2012. 413 p.
- Brković Č.* Scaling Humanitarianism. Humanitarian Actions in One Bosnian Town // *Ethnos: Journal of Anthropology.* 2014, 16 May. <https://www.academia.edu/7464676/2014_Scaling_humanitarianism_Humanitarian_Actions_in_a_Bosnian_Town_Ethnos_Journal_of_Anthropology>. (DOI: 10.1080/00141844.2014.912246).
- Čapo J.* Ethnology and Anthropology in Europe. Towards a Trans-National Discipline // *Cultural Analysis.* 2014. Vol. 13. P. 51–76.
- Kreševljaković H.* Sarajevska čaršija, njeni esnafi i obrti za osmanlijske uprave // *Narodna starina.* 1927. Sv. 6. Br. 14. S. 15–58.
- Kreševljaković H.* Stari bosanski gradovi // *Godišnjak Zemaljskog zavoda za zaštitu spomenika kulture i prirodnih rijetkosti N. R. Bosne i Hercegovine.* 1953. Sv. 1. S. 1–40.
- Kuutma K.* Cultural Heritage: An Introduction to Entanglements of Knowledge, Politics and Property // *Journal of Ethnology and Folkloristics.* 2009. Vol. 3. No. 2. P. 5–12.
- Low S.M., Merry S.E.* Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas // *Current Anthropology.* 2010. October. Vol. 51. Sup. 2. P. S203–S226.
- Sanford V., Asale A.-A.* (eds.). *Engaged Observer: Anthropology, Advocacy and Activism.* New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2006. 272 p.
- Shkodra Z.* *Esnafet shqiptare (Shek. XV–XX).* Tiranë: Instituti i Historisë, 1973. 390 p.
- Smith L.* (ed.). *Cultural Heritage: Critical Concepts in Media and Cultural Studies: In 4 vols. L.: Routledge, 2006. 1664 p. Vol. 3: Heritage as an Industry. Vol. 4: Interpretation and Community.*

Utopias, Realities, and Heritage in the Ethnographies of the 21st Century

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
University emb. 3, St Petersburg, Russia
denis.ermolin@gmail.com

Alexander A. Novik

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
University emb. 3, St Petersburg, Russia
St Petersburg State University
Universitetskaya emb. 7–9, St Petersburg, Russia
njual@mail.ru

Svetlana Ryzhakova

Institute for Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Leninskiy pr. 32A, Moscow, Russia
lana@mega.ru

Irina Sedakova

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Leninskiy pr. 32A, Moscow, Russia
irina.a.sedakova@gmail.com

Nina Vlaskina

Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern
Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
Chekhov st. 41, Rostov-on-Don, Russia
nvlaskina@gmail.com

This review sheds light on the XII Congress of the Société Internationale d'Ethnologie et de Folklore (SIEF) held June 21–25, 2015 in Zagreb (Croatia). One of the biggest humanitarian academic events, this Congress unites scholars in folklore and religion studies, ethnology, anthropology, sociology, and linguistics. The SIEF Congresses always scrutinise relevant contemporary themes and projects, determine the course of future research, and highlight the new issues in the field. Seventeen thematic blocks of the programme encompass almost all aspects of scientific analysis, methodological approaches, and technical tools for collecting and processing data.

Besides discussions on the discipline's long established topics (food, rituals, folk religiosity), and topics which have recently become particularly significant (identity, migrations, borders), new approaches towards the body, the political, civil and philanthropic activity and some others fields were also suggested.

Keywords: ethnography, folklore, utopia, reality, urban anthropology, performance, folk costume, identities, minorities, gender, borders, migration.

References

- Alekseevskiy M. D., 'Prikladnaya gorodskaya antropologiya' [Applied Urban Anthropology], *Upravlenie razvitiem territoriy* [Territorial Development Management], 2015, no. 1, pp. 20–24. (In Russian).
- Basch L. G., Saunders L. W., Wojcicka Sharff J., Peacock J. (eds.), *Transforming Academia: Challenges and Opportunities for an Engaged Anthropology*. Arlington, VA: American Anthropological Association, 1999, 307 pp.
- Bendix R. F., Eggert A., Peselmann A., *Heritage Regimes and the State*. Göttingen: Universität Göttingen, 2012, 413 pp.
- Brković Č., 'Scaling Humanitarianism. Humanitarian Actions in One Bosnian Town', *Ethnos: Journal of Anthropology*, 2014, 16 May. <https://www.academia.edu/7464676/2014._Scaling_humanitarianism_Humanitarian_Actions_in_a_Bosnian_Town._Ethnos_Journal_of_Anthropology>. (DOI: 10.1080/00141844.2014.912246).
- Čapo J., 'Ethnology and Anthropology in Europe. Towards a Trans-National Discipline', *Cultural Analysis*, 2014, vol. 13, pp. 51–76.
- Kreševljaković H., 'Sarajevska čaršija, njeni esnafi i obrti za osmanlijske uprave' [The Sarajevo Bazaar, Its Esnafs, and Turnover for the Ottoman Administration], *Narodna Starina* [Popular Antiquities], 1927, vol. 6, no. 14, pp. 15–58. (In Serbo-Croatian).
- Kreševljaković H., 'Stari bosanski gradovi' [Old Bosnian Cities], *Godi njak Zemaljskog zavoda za zaštitu spomenika kulture i prirodnih rijetkosti N. R. Bosne i Hercegovine* [The Annual of the Institute for Protection of Cultural Monuments and Natural Rarities of the Socialist Republic of Bosnia and Hercegovina], 1953, vol. 1, pp. 1–40. (In Serbo-Croatian).
- Kuutma K., 'Cultural Heritage: An Introduction to Entanglements of Knowledge, Politics and Property', *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2009, vol. 3, no. 2, pp. 5–12.
- Low S. M., Merry S. E., 'Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas', *Current Anthropology*, 2010, October, vol. 51, sup. 2, pp. S203–S226.
- Sanford V., Asale A.-A. (eds.), *Engaged Observer: Anthropology, Advocacy and Activism*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2006, 272 pp.

- Shkodra Z., *Esnafet shqiptare (Shek. XV–XX)* [The Albanian Esnafs (XV–XX Century)]. Tirana: The Institute of History, 1973, 390 pp. (In Albanian).
- Smith L. (ed.). *Cultural Heritage: Critical Concepts in Media and Cultural Studies*: in 4 vols. London: Routledge, 2006, 1664 pp., vol. 3: Heritage as an Industry, vol. 4: Interpretation and Community.
- Todorov N., *Balkanskiyat grad XV–XIX vek: Sotsialno-ikonomichesko i demografsko razvitie* [The Balkan City in the 15th–19th Centuries: Social-Economic and Demographic Development]. Sofia: Nauka izkustvo, 504 pp. (In Bulgarian).
- Urošević A., ‘Gnjilane’, *Glasnik Geografskog Društva* [Journal of Geographic Society] (Belgrade), 1931, vol. 17, pp. 38–51. (In Serbo-Croatian).
- Urošević A., ‘Janjevo’, *Glasnik Geografskog Društva* [Journal of Geographic Society] (Belgrade), 1935, vol. 14, pp. 187–200. (In Serbo-Croatian).
- Urošević A., ‘Prishtina’, *Zbornik Radova Etnografskog Instituta SAN* [Collection of works of the Ethnographical Institute of the Serbian Academy of Sciences] (Belgrade), 1951, vol. 2, pp. 1–35. (In Serbo-Croatian).